

БЕСЪДА ВТОРАЯ.

Въ разговорѣ съ Шуваевымъ Сократъ оспариваетъ мнѣніе, что субстанцій не существуетъ, а потомъ отъ себя дѣлаетъ характеристику философіи Юма.

Приѣхавши домой отъ Сократа, я немного отдохнулъ и около 6 часовъ поѣхалъ въ трактиръ Мало-Ярославецъ. Только что я успѣлъ заказать обѣдъ, какъ почти одновременно прибыли Сократъ съ Калгановыми, а за ними и Карамазовъ. Мы рѣшили немного подождать Красоткина и Шугаева, а пока выпили водочки.

— „А, вѣдь, я помню Красоткина по гимназіи“, сказалъ Калгановъ Карамазову: „только мы были постарше его. Онъ еще, помнится, былъ извѣстенъ въ городѣ по выдресированной имъ дворняшкѣ, которая дѣлала разныя штуки“.

Карамазовъ. Онъ самый и есть. Я познакомился съ нимъ по поводу одной некрасивой исторіи, которую продѣлалъ въ какомъ то безумії покойный братъ Дмитрій. У постели умирающаго мальчика Илюши мы съ Красоткинымъ, несмотря на разницу лѣтъ, даже подружились. Но потомъ я потерялъ его изъ виду и только недавно встрѣтилъ здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ онъ ужъ давно подви-зается въ качествѣ врача.

Калгановъ. А другой-то кто такой?

Карамазовъ. А можетъ быть, вы помните вечера и сборища у Виргинскихъ. Если, какъ кажется, вы бывали на этихъ вечерахъ, такъ, вѣроятно, встрѣчали тамъ еще юнаго гимназиста, который обыкновенно препирался о передовитости съ курсисткой, родствен-

ницей Виргинскихъ. Этотъ - то гимназистъ и есть Шугаевъ. Съ нимъ я столкнулся у Красоткина и мало его знаю. Когда онъ и Красоткинъ узнали отъ меня о Сократѣ Ивановичѣ и о нашихъ спорахъ, то просили меня познакомить ихъ съ нимъ и съ другими.

Въ это время какъ разъ вошелъ въ комнату Шугаевъ, извиняясь за Красоткина, что онъ не можетъ быть къ обѣду. Тогда мы сѣли обѣдать и во время первыхъ блюдъ разговаривали мало: каждый занятъ былъ утоленіемъ голода. Я, какъ хозяинъ, заботился, чтобы гости опорожняли налитое имъ вино и, замѣтъ, что у Шугаева, сидѣвшаго подлѣ меня, вино почти не тронуто, сказалъ ему:

— „Что жь вы ничего не пьете, Иванъ Антоновичъ? По нашему, не хорошо отставать отъ товарищѣй. Сократъ Ивановичъ говоритъ, что у него въ горлѣ застrevаетъ вино, когда онъ видитъ, что другіе не пьютъ“.

— „Да! возникаетъ невольное, хотя и нелѣпое подозрѣніе, что непьющиі имѣть какой либо злой умыселъ противъ пьющихъ“, подхватилъ, улыбаясь, Сократъ.

— „Вы все шутите, Сократъ Ивановичъ“, возразилъ Шугаевъ, „дѣло не въ умыслѣ, а я вообще мало пью, да кромѣ того и времѧ то не такое, чтобы пить и веселиться“.

— „А что жь? Развѣ у васъ горе какое? Такъ и съ горя можно“, сказалъ, опять улыбаясь, Сократъ.

— „Личнаго горя нѣтъ. Но вѣдь, можно сильно чувствовать и бѣдствія общественныя и народныя, а имъ у насъ конца нѣтъ. Надѣюсь, философія не запрещаетъ имѣть общественные чувства?“ спросилъ Шугаевъ какимъ то особенно строгимъ тономъ.

Въ это время человѣкъ разлилъ шампанское въ бокалы.

Сократъ (взявшись въ руки бокалъ). Философія, конечно, не запрещаетъ имѣть общественные чувства, но, слава Богу, не запрещаетъ также (улыбаясь) и пить вино съ хорошими пріятелями и выражать имъ добрая чувства и благія пожеланія, а потому я и

приглашаю всѣхъ выпить здоровье Платона Михайловича и пожелать ему выиграть его процессъ.

Тогда я съ своей стороны предложилъ тостъ за Сократа и за процвѣтаніе дорогой для него философіи.

Шугаевъ (обращаясь ко мнѣ). За здоровье Сократа Ивановича я готовъ выпить, но за процвѣтаніе философіи?.... Надобно еще спросить какой?....

Я. Какой? Это вопросъ, на который можно отвѣтить въ различныхъ смыслахъ. Я разумѣю за процвѣтаніе истинной философіи, т. е., и заключающей въ себѣ истину, и имѣющей ее свою прѣлью.

Шугаевъ. Это слово неопределено: истинная философія. Вѣдь, и разныя химеры и фантомы, измышляемыя мистиками и метафизиками, считаются ими за истины. (Обращаясь какъ бы ко всѣмъ, но въ сущности къ Сократу). Вы ужъ извините меня, господа; въ наукѣ, по моему, нужно идти прямо и называть вѣщи ихъ именами, чтѣ я и буду дѣлать; науку буду называть наукой, научную философію — философіей, а метафизическія бредни и мистическія мечтанія — бреднями и мечтаніями. Вотъ, напримѣръ, давешній споръ о субстанціяхъ я считаю игрою въ куклы, такъ и буду называть это. Я очень жалѣю, что Красоткинъ, человѣкъ научно развитой, позволилъ себѣ увлечься этой игрою и толковать о субстанціяхъ, тогда какъ научная философія лѣтъ полтораста тому назадъ выбросила вонъ отъ себя эти куклы и предоставила играть въ нихъ взрослымъ дѣтямъ.

Сократъ. Относительно названій дѣлайте, какъ хотите, только съ однимъ условиемъ: обозначайте, въ какомъ смыслѣ употребляете тѣ или другія слова и названія, а также обозначайте точнѣе время, мѣсто и другія обстоятельства, если это нужно для того, чтобы вѣрнѣе понять вашу мысль. Такъ, напр., извините, я что-то не помню, когда и какъ научная философія совершила указанный вами подвигъ, да и, признаться сказать, не знаю, что нужно разумѣть подъ научною философіей.

Шугаевъ. А случилось это тогда, когда Юмъ показалъ, что субстанція есть только пустая фикція, что это только слово, название, подъ которымъ мы разумѣемъ совокупность простыхъ идей или впечатлѣній, соединяемыхъ воображеніемъ. Подъ научною же философіей я разумѣю философію, начавшуюся съ Юма и продолжавшуюся преимущественно въ Англіи, гдѣ она выставила такихъ представителей, какъ Милль, отецъ и сынъ, Бенъ и много другихъ.

Сократь. Если бы вы назвали еще десятокъ и даже сотню именъ, то это былъ бы для меня звукъ пустой. Я имѣю честь бесѣдовать съ вами и прошу васъ опредѣлить, что вы разумѣете подъ научною философіей, а Бена или Милля я могу прочесть и одинъ. Всего лучше, мнѣ кажется, было бы вамъ исполнить мою просьбу такъ: сперва опредѣлить, что такое философія, а потомъ что такое научная философія, т. е., указать, чѣмъ отличается она отъ не научной, ибо никакого смысла не было бы говорить о научной, когда бы не существовало пенаучной.

Шугаевъ. Какъ я вижу, вамъ нужна схоластика, до которой я совсѣмъ не охотникъ. Научная философія та, которая не занимается метафизикой и разными выдумками въ родѣ субстанцій, абсолюта и проч. и ничего не хочетъ знать, кроме опыта и фактовъ.

Сократь. Да вы все описываете и расхваливаете какую то научную философію, а я прошу васъ дать мнѣ логическое или, если вамъ нравится, научное опредѣленіе этой философіи. По крайней мѣрѣ, скажите: что такое, по вашему, философія.

Шугаевъ. Да что вы все ставите мнѣ какія то странныя требованія, точно на экзаменѣ или на университетскомъ диспутѣ. Вѣдь, всѣ эти опредѣленія и раздѣленія ничто иное, какъ старая средне-вѣковая схоластика.

Сократь. Извините, по моему, напротивъ опредѣленія и раздѣленія составляютъ истинную форму науки, и я иначе, какъ въ этой формѣ, и разговаривать серьозно не могу, особенно, когда вы назвали представителей школы, съ которыми надобно быть какъ

можно осторожнѣе, ибо у нихъ софизмъ дѣло самое обыкновенное. По этому-то я и буду предлагать вамъ вопросы почти о каждомъ словѣ, которое вы будете употреблять. Если же вамъ не нравятся эти определенія и раздѣленія, то бросимъ этотъ разговоръ; насть, вѣдь, никто не неволить.

Шугаевъ. Что же, по вашему, названные мною писатели неборосовѣтные и не честные люди?

Сократъ. Нисколько. Я думаю, что софизмы ихъ совершенно неумышленные и несознаваемые ими. Вотъ, напр., указываемый вами Милль въ его критикѣ сочиненій Гамильтона постоянно упраекаетъ этого философа въ софизмахъ, а, конечно, считалъ его добросовѣтнымъ и честнымъ человѣкомъ. И такъ, если вамъ непрятны определенія и раздѣленія, бросимъ нашъ разговоръ.

И. Сократъ сталъ рѣшительно быть пирожное, запивая его виномъ.

Но черезъ нѣсколько секундъ разговоръ снова поднялъ Карамазовъ, сказавъ:

— „Я не философъ и не знаю правиль, какихъ должны держаться лица, разногласящія въ рѣшенії философскихъ вопросовъ. Но вообще, мнѣ кажется, въ спорѣ, когда онъ не шуточный, а имѣеть въ виду истину, спорящіе имѣютъ право, ради полнаго уясненія этой истины, употреблять всѣ находящіяся въ ихъ распоряженіи средства“.

Шугаевъ. Ну, хорошо. Я готовъ пройти черезъ всю эту схоластику, если Сократу Ивановичу и вамъ всѣмъ это угодно. И такъ, философія, по моему, составляетъ всю совокупность человѣческаго познанія, а слово: научная философія, обозначаетъ философію, выводящую человѣческое познаніе изъ истиннаго его источника — опыта.

Сократъ. Совокупность человѣческаго познанія?... Не совсѣмъ что-то понятно! Значитъ ли это, что философія заключаетъ всѣ познанія, или другое что?

Шугаевъ. Не заключается, а изслѣдуется, какъ образуются и изъ какого источника происходятъ всѣ познанія, къ какому бы предмету они ни относились.

Сократь. Значитъ, нельзя ли такъ выразиться, что философія есть наука объ источникахъ и способахъ познанія.

Шугаевъ. Пожалуй можно, только нужно прибавить объ источникахъ и способахъ человѣческаго познанія, а то, вѣдь, вы, пожалуй, будете разумѣть познаніе какихъ нибудь заоблачныхъ существъ, да и притомъ лучше замѣтить слово: „познаніе“ словомъ „познаваніе“. „Познаніе“ что-то отзыается метафизикой.

Сократь. Ну, пусть познаваніе, я спорить не стану. А вотъ что позвольте спросить? Изучая происхожденіе познанія, дѣлаетъ ли научная философія какое-нибудь предположеніе, напр., о бытіи того, что познается. Нельзя ли, напр., сказать такъ, что научная философія изслѣдуетъ источники и способы познанія сущаго, того, что существуетъ?

Шугаевъ. Ни-ни! Предметъ научной философіи заключается въ нашемъ сознаніи: только факты или состоянія человѣческаго сознанія и составляютъ предметъ научной философіи.

Сократь. Прекрасно. Вотъ вы и сами, кажется, вошли во вкусы подробныхъ опредѣленій и обозначеній. И такъ теорія познаванія не имѣеть въ виду познанія сущаго. Что же по ней познается?

Шугаевъ. Познаются явленія сознанія.

Сократь. Но все же, вѣдь, эти явленія суть, существуютъ, или какъ по вашему? Я, признаюсь сказать, не могу словъ: „явленія сознанія“ понимать иначе, какъ такъ, что явленія сознанія принадлежатъ кому-либо. Но, чтобы сознавать, этаѣтъ *кто-либо* долженъ быть. Вообще для меня сознаніе и познаніе возможны только тогда, когда что либо существуетъ, что можетъ быть познано, а также, когда и сознаніе и познаніе принадлежать особымъ субстанціямъ или существамъ, способнымъ къ нимъ. Существа эти обыкновенно называются различно: субъектъ познанія, духъ, луша, я, и т. д. Дѣло, вѣдь, не въ имени. Не знаю точно, но, можетъ

быть, г. Красоткинъ думаетъ, что познаніе есть какая-то фосфоресценція, обусловленная сочетаніемъ атомовъ. Не знаю также, думаетъ ли онъ, что атомы сознаютъ и познаютъ, во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, и то, и другое происходитъ отъ силы и дѣятельности атомовъ, которые существуютъ сами по себѣ, не завися отъ чьего-либо сознанія и познанія. Другое же думаютъ, что и атомы познаютъ, и что, какъ человѣкъ состоить изъ сочетанія атомовъ, такъ и человѣческое познаніе состоить изъ сочетанія познанія атомаго. Какъ же вы думаете о томъ, кто познаетъ и кому принадлежатъ факты сознанія?

Шугаевъ. Бытіе, существованіе есть пустое слово, ничего не прибавляющее къ тому предмету, къ которому прилагается. Все равно, говорить ли о чёмъ нибудь, какъ о существующемъ, или безъ этого, потому что слово: существованіе, не соотвѣтствует никакому впечатлѣнію. По Юму, всѣ познанія наши образуются изъ умственныхъ фактovъ или состояній, которые дѣлятся на два класса: *впечатлѣнія и идеи*. Впечатлѣнія — это первоначальный элементъ, отличающійся яркостью и живостью, а идеи суть блѣдныя копіи, оставляемыя въ умѣ впечатлѣніями, такъ что впечатлѣнія суть причины всего, что есть въ нашемъ умѣ. Для чего нѣтъ впечатлѣнія, то выдумка воображенія, то не существуетъ. Далѣе, эти впечатлѣнія, а также и идеи мы ассоциируемъ другъ съ другомъ по сходству, по смежности въ пространствѣ и времени, и по причинности. Что же касается до мнимыхъ субстанцій, душъ, матеріи и т. под., то вотъ процессъ, какъ, напримѣръ, образуются эти мнимыя субстанціи. Положимъ, я вижу бѣлорозовый цвѣтъ этого яблока, ощупываю его гладкую кожу, чувствую его мягкость и слабое сопротивление давленію, испытываю его вкусъ и ароматъ. Всѣ эти свойства ощущаются и повторяются, а чаще вмѣстѣ. Вотъ этотъ-то опытъ свойствъ, встрѣчающихся порознь и вмѣстѣ, и производитъ иллюзію, что какъ будто они существуютъ не сами по себѣ, а принадлежать чему-то такому, что не они, а что составляетъ субстанцію яблока и что они

на нее, такъ сказать, надѣты, что она имъ служить поддержкой, такъ что эта субстанція существует помимо свойствъ и остается всегда равной самой себѣ, не смотря на то, что свойства то присутствуютъ, то отсутствуютъ. Дѣйствительны только свойства, которыя я называю впечатлѣніями, а субстанція есть наша иллюзія, или выдумка.

Сократъ (улыбаясь). Я вижу, что этимъ мы займемся вплотную, а потому позволю себѣ спросить нашихъ собесѣдниковъ, не чувствуютъ ли они утомленія и не наскучила ли имъ наша бесѣда. Какъ, господа?

Тогда Калгановъ, Карамазовъ и я единогласно заявили, что весьма охотно послушаемъ этотъ разговоръ, который насъ интересуетъ.

Сократъ (обращаясь ко мнѣ). Ну, такъ благоволите, добрѣйший Илліонъ Михайлловичъ, приказать чайку для промочки горла (къ Шугаеву). Извините, Иванъ Антоновичъ, но вы все таки не сказали, кто же познаетъ или сознаетъ или, пожалуй, кому принадлежать факты познанія и сознанія, а также на кого и для кого суть впечатлѣнія, эти первоначальные элементы.

Шугаевъ. Ясно, что сознаніе принадлежитъ вамъ, мнѣ, ему, людямъ вообще и впечатлѣнія опять таки для меня, васъ, для него, для людей.

Сократъ. Теперь я еще позволилъ бы себѣ обратиться къ вамъ съ маленькой просьбой. Вы сдѣлали указаніе на то, какъ образуются у насъ понятія о мнимыхъ субстанціяхъ въ мірѣ материальному, а для меня гораздо интереснѣе и важнѣе было бы выслушать ваше объясненіе, какъ образуется наше понятіе о субстанціи духовной, именно, обѣ нашемъ и чужомъ я. Побужденіе къ моей просьбѣ состоитъ въ томъ, что я, вѣдь, такъ же какъ и вы думаю, что принимаемыя нами материальныя субстанціи суть мнимыя, хотя, конечно, происхожденіе этой иллюзіи, вѣроятно, буду объяснять иначе, чѣмъ вы. Такъ для меня гораздо интереснѣе узнать, какъ образуется этотъ пучекъ или связка идей, который мы называемъ

нашимъ и чужими я. Термины: пучекъ, связка идей, употреблены мною въ подражаніе Юму, или кому то изъ корифеевъ вашей теоріи познанія, хотя и не помню кому. Кстати, ужъ не можете ли вы сказать, какія мнимыя субстанціи образуются у насъ прежде; тѣлесныя или духовныя, потому что ихъ только два рода; другія субстанціи, мнимыя или дѣйствительныя, не мыслимы.

Шугаевъ (недовольнымъ тономъ). Я, признаюсь, совершенно не понимаю, ваше, извините за выражение, капризное требование непремѣнно начать объясненіе съ субстанціи духовной. По моему, это совершенно не важно, съ чего начать; точно также, какъ не имѣтъ никакого значенія вопросъ, о какихъ субстанціяхъ образовались прежде иллюзіи, о материальныхъ или духовныхъ. Важно то, что понятія о тѣхъ и другихъ суть наши иллюзіи. Подобно понятію о материальныхъ субстанціяхъ, образуется понятіе и о духовныхъ субстанціяхъ представляющихъ совокупность идей, относящихся къ нашимъ чувствамъ, мыслямъ, волненіямъ и соединяемыхъ воображеніемъ.

Сократъ. Не могу согласиться, что мое требование имѣть своимъ источникомъ капризъ. Оно вытекаетъ во первыхъ изъ убѣждения, что прежде всего понятіе о субстанціи образуется у насъ на основаніи внутренняго опыта, гдѣ мы знакомимся съ своею собственою субстанціей, или нашимъ я, а ужъ потомъ это понятіе мы переносимъ на другія субстанціи духовныя или материальныя. Во вторыхъ, я имѣть надежду, что, говоря о происхожденіи субстанціи духовной, вы не будете произвольно употреблять словъ, на употребленіе которыхъ вы не имѣете права и понимать ихъ при этомъ въ общеупотребительномъ смыслѣ, вопреки собственнымъ условнымъ ихъ опредѣленіямъ. Вы, напр., такъ и скажите словами: я вижу, я чувствую, испытываю; мы ассоціируемъ, мы понимаемъ, факты сознанія моего, твоего, его; наша иллюзія, наша выдумка; свойства существуютъ, субстанціи не существуютъ; дѣйствительны только свойства и т. д. и т. д. Всѣ эти слова употребляете вы въ непозволительномъ для васъ смыслѣ. Богъ знаетъ, откуда берутся

у васъ эти: я, ты, онъ? Вѣдь, вы говорите, что никакихъ существъ или субстанцій нѣтъ. Вѣдь то, про что каждый говоритъ: я, по вашему, пустая фикція, слово, означающее совокупность идей, соединяемыхъ воображениемъ. Значитъ познаніе или сознаніе принадлежитъ пустому слову, или, что все равно, сознаніе или познаніе ничье, точно также и впечатлѣнія, которыя, какъ вы говорите, суть для меня, васъ, для него, суть ни для кого и ни на кого не дѣйствуютъ. Даѣшь, если субстанціи или существа суть совокупность идей, соединяемыхъ воображениемъ, то спрашивается, *кто же* это воображаетъ и соединяетъ воображениемъ. Все это понятно, когда я, ты, мы употребляются въ обыкновенномъ смыслѣ, когда подъ этими словами разумѣются дѣйствующія существа, но рѣшительно непонятно *съ* точки зрѣнія вашей теоріи познаванія, по которой ничего не существуетъ, кроме какихъ то первыхъ элементовъ, изъ которыхъ непостижимымъ образомъ, безъ всякихъ дѣятелей, составляется вся сложная машина нашего познанія, состоящаго изъ ощущеній, представлений, понятій и проч. Наконецъ, какъ вы говорите, что слово: *есть*, есть тоже пустое слово, ничего не означающее, то нельзѧ даже сказать, что первые элементы существуютъ. Я долженъ вамъ сказать, что ваша теорія познаванія даже и высказана можетъ быть, единственно только благодаря употребленію словъ обыкновенного языка, употребленію, на которое вы права не имѣете, ибо подъ словами этого языка всѣ люди привыкли разумѣть то, что вы отрицаете и называете пустымъ словомъ. Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, вместо словъ: есть, нѣтъ, существуетъ, не существуетъ, я, ты, онъ, мы и т. п. употреблять совершенно безразличныя слова, подъ которыми дѣйствительно ничего не разумѣется: *биримби, брадабра* и тому подобное. Тогда вашъ разговоръ и выраженія вашей теоріи познаванія будутъ совершенно невозможными. Такъ, напр., вашъ терминъ: впечатлѣніе, имѣеть смыслъ тогда, когда разумѣется существованіе вещей, дѣлающихъ впечатлѣніе, и вещей, воспринимающихъ впечатлѣнія. Подобно тому, наприм., какъ слова: это отискъ, имѣютъ

смыслъ тогда, когда предполагается печать, или что либо подобное, что можетъ быть оттиснуто или вытиснуто и воскъ, сургучъ и т. п., въ чемъ можетъ быть вытиснуто; а безъ этого предположенія разговоръ объ оттискѣ не имѣть никакого смысла.

Шугаевъ (несколько смущаясь). Да, вѣдь, я же вамъ говорю, что съ словами, которыя употребляю, не соединяю обычнаго смысла. Кажется, я имѣю право употреблять слова въ своемъ, заранѣе определенномъ, смыслѣ.

Сократъ. Конечно, имѣете, но только съ тѣмъ, чтобы и вы, и ваши собесѣдники постоянно имѣли въ виду этотъ условный смыслъ и никогда не переходили въ другой, т. е., обычный, общепринятый. Но этого ни вы сами, ни собесѣдники ваши не дѣлаете, да и не можете дѣлать, потому что съ терминами, употребляемыми вами, такъ тѣсно соединилось извѣстное значеніе и соозначеніе, что вамъ самимъ представляло бы неодолимую трудность употреблять ихъ въ иномъ, какъ будто условно принимаемомъ вами, смыслѣ. Что, напр., можетъ значить, когда вы говорите: „субстанцій нѣть, онъ не существуютъ?“ Если, по вашему, существовать есть пустое слово, то „субстанцій нѣть“ значитъ то же, что субстанціи *біримби*, т. е. ничего не значитъ. Для меня же, считающаго существованіе не за пустое слово, выраженіе: „субстанцій нѣть“, есть вопіющее противорѣчіе, ибо существовать, по моему, прежде всего значитъ быть субстанціей, т. е. вѣчно имѣть свою неизмѣнную и индивидуальную природу, не зависящую отъ пространства, времени, причинности и т. п. и далѣе, сообразно этой природѣ, дѣйствовать. Точно также съ словомъ: впечатлѣніе, соединяется необходимое соозначеніе этого слова, т. е., существованіе какъ того, что дѣлаетъ впечатлѣніе, такъ и того, что воспринимаетъ впечатлѣніе, а между тѣмъ вы говорите, что не предполагаете никакого бытія, предшествующаго сознанію. Далѣе, утверждаемое вами, согласно Юму, различие между впечатлѣніями и идеями, состоящее въ томъ, что первыя живѣ, ярче, а вторыя суть только блѣдныя копіи первыхъ, имѣть смыслъ и понятно только тому, кто знаетъ различіе между впечатлѣніями,

идущими, по его мнѣнію, отъ вещей, въ присутствіи которыхъ онъ находится, и образами, воображаемыми имъ въ отсутствіи вещей, отъ которыхъ идутъ эти образы. Безъ этого предположенія различіе яркости и блѣдности и различіе, выражаемое въ фигуральныхъ терминахъ оригинала и копіи, не понятно и не имѣетъ смысла. Наконецъ, долженъ быть кто нибудь, кто могъ бы различить болѣе яркое и живое впечатлѣніе отъ его блѣдной копіи. Или, можетъ быть, различаютъ себя сами же состоянія сознанія?!! Употребляя слова въ смыслѣ, на который не имѣете права, вы, напримѣръ, говорите: „я вижу блорозовый цветъ яблока, ощущаю мягкость его кожи и пр. „При этомъ и вы, и всякий другой понимаете дѣло такъ, что для того, чтобы видѣть цветъ и ощущать мягкость, необходимы существованіе и дѣятельность этого я. Такъ въ видѣніи цвета, напр., необходимы два различные момента: видѣніе и сознаніе своего видѣнія, ибо можетъ быть видѣніе безъ яснаго сознанія, какъ это бываетъ въ разсѣянности. Но едва ли вы сами допустите сказать, чтобы то, что вы называете пустымъ словомъ, было дѣятельно и притомъ отличало свою дѣятельность, какъ распадающуюся на двое: актъ видѣнія и сознаніе этого акта, т. е., уже совсѣмъ другой актъ. По видимому, вамъ можно было бы сказать: видѣніе есть, но опять затрудненіе въ томъ, что вы будете употреблять слово: есть, на которое не имѣете права, а кромѣ того слово: видѣніе, предполагаетъ видящаго, т. е., цѣлое существо человѣческое съ его организмомъ и глазами, а далѣе и всю природу, съ которой связано существованіе организма.

„Для уясненія сейчасъ сказаннаго, я позволю себѣ предложить вамъ слѣдующій вопросъ. Вы сказали, что по вашей теоріи познаванія, не предполагается никакого бытія, кроме фактовъ сознанія, что субстанціи материальныя, или тѣла, и не материальныя, или души, суть продукты воображенія, ложно толкующаго факты сознанія. Это значитъ, что всѣ вещи, изъ которыхъ, по общему признанію, состоитъ міръ, не мыслимы помимо фактовъ сознанія и воображенія. Значитъ, говорить что либо о мірѣ или о вещахъ,

его составляющихъ и т. под. до сознанія—невозможно. Но тогда, какъ же вы относитесь къ наукамъ, напр., астрономіи и геології, которая говорять о существованіи вещей такомъ же или очень похожемъ на то, какое и теперь признается нами, существованіи, бывшемъ гораздо задолго до появленія сознанія и его фактъвъ. Да и, кстати, позвольте вѣсъ спросить, какъ вы относитесь вообще къ наукамъ, напр. физикѣ и химіи, которая всѣ явленія, изучаемыя ими, не могутъ объяснить безъ предположенія вѣчныхъ и неизмѣнныхъ атомовъ, изъ движенія и комбинаціи которыхъ многіе біологи пытаются и надѣются вывести органическую жизнь и сознаніе со всѣми его фактами?....

Шугаевъ (утомленнымъ голосомъ). Конечно, я вполнѣ признаю всѣ теоріи точныхъ наукъ, какъ необходимые выводы изъ фактъвъ. Такъ, я признаю существованіе матеріи, какъ *возможности ощущеній*, но вовсе не какъ субстанціи. Вообще научная философія считаетъ бесполезнымъ заниматься вопросомъ о *сущности* вещей, ихъ первоначальной причинѣ, конечной цѣли и т. под. Для насъ важенъ только опытъ и правильное изъ него заключеніе.

Сократъ. Что такое матерія, какъ возможность *ощущенія*? О возможности можно говорить всегда только на основаніи какой нибудь дѣйствительности. Если матерія есть нечто, представляющее условіе для возможности *ощущенія*, то она есть такая же дѣйствительность, какъ и сами *ощущенія*, которымъ она, по понятію своему, предпеструетъ. Но если матерія есть дѣйствительность, то вы должны же ее какъ нибудь понимать. А если вы ее понимаете на основаніи естественныхъ наукъ, то вы не иначе можете понимать ее, какъ состоящею изъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ по своей природѣ атомовъ, которые и суть искомыя нами субстанціи. Значитъ, напрасно вы обвиняли въ ненаучномъ увлеченіи Красоткина, который, съ своей точки зрѣнія, совершенно правильно считаетъ атомы за субстанціи. Значитъ, ваша научная философія есть тотъ же, только не искренній, а прикрытый /материализмъ/. Избѣжать материализма можно, по моему, только однимъ способомъ.

бомъ: это признать материю вовсе несуществующею иначе, какъ въ актѣ представлениѧ. Что же касается до сущности вещей, начальныхъ причинъ и конечныхъ цѣлей, то, вѣдь, никто не при-нуждаетъ васъ заниматься этимъ, если вы того не желаете. Но съ другой стороны, не запрещайте заниматься этимъ тѣмъ, кто желаетъ этого и думаетъ, что онъ въ опытѣ и разумѣ имѣеть на-дежное орудіе для такихъ занятій.

Шугаевъ. Нѣтъ! научная философія приводитъ насъ къ убѣж-денію, что опытъ и точный выводъ изъ него не позволяютъ намъ этимъ заниматься подъ страхомъ впасть въ метафизической фан-тазіи.

Сократъ. Я все не знаю, какую метафизику вы преслѣдуете. Надобно точнѣе опредѣлить, что вы понимаете подъ метафизикой, а то, вѣдь, метафизика бываетъ разная; къ нѣкоторымъ формамъ ея, напр., матеріализму, и я буду относиться отрицательно. Впрочемъ, оставимъ пока вопросъ о метафизикѣ, а займемся разборомъ вашегоД объясненія, какъ образуются ложныя субстанціи...

Здѣсь я, видя, что Шугаевъ вяло ведетъ споръ и повторяетъ одно и тоже, и видя нѣкоторые слѣды утомленія на лицахъ слушателей, обратился къ спорящимъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

— „Извините, Сократъ Ивановичъ и Иванъ Антоновичъ, если я перерву васъ и предложу вамъ немного отдохнуть и вмѣстѣ рас-пить послѣднюю бутылочку за успѣхъ моего дѣла“.

Оба спорящіе, а также и слушатели согласились. Однако Шугаевъ, извиняясь, что онъ вообще не можетъ долго сидѣть вѣ-черомъ, а потому и окончить споръ съ Сократомъ Ивановичемъ какъ нибудь въ другой разъ, сталъ прощаться съ нами: „Не забудьте, Иванъ Антоновичъ, мои четверги“, сказалъ ему Карама-зовъ передъ выходомъ его изъ комнаты.

„Постараюсь быть“, сказалъ онъ, уходя.

Когда Шугаевъ вышелъ, то мы, распивая вино, стали въ шу-точномъ тонѣ обсуждать предметъ бывшаго спора и самихъ спо-рящихъ. Калгановъ, почему то чрезвычайно оживившійся, упрек-

нуль меня, что я прерваль споръ и тѣмъ помѣшалъ увидать весьма забавное зрѣлище, какъ Сократъ Ивановичъ, входя въ все болѣе въ философскій азартъ, сталъ бы все сильнѣе тѣснить противника, а Шугаевъ, постепеннаго слабѣя, произносилъ бы уже одни безсвязныя слова: научная философія, я, мы, вы, они. Но однако всѣ мы, слушавши разговоръ, находили его не вполнѣ для насъ яснымъ, а потому видя, что всѣ оживились и знали, что Сократъ совершенно недоступенъ утомлению, я обратился къ нему съ просьбой, чтобы онъ объяснилъ намъ, возможно короче, теорію, которую собственно защищалъ Шугаевъ, а также къ чему клонилъ рѣчь самъ Сократъ.

Сократъ. Не знаю, удастся ли мнѣ вкратцѣ уяснить вамъ предметъ нашего спора, если вы не знакомы съ философіей Юма и его англійскихъ послѣдователей, напр. Милля, Бена и друг.? Отъ этого незнакомства происходила, по моему, и неясность, на которую вы жалуетесь. Прежде всего я скажу, что, по своей сущности, точка зрењія Юма, которую защищалъ Шугаевъ, не есть ничто новое, а получена въ наслѣдство отъ греческихъ софистовъ и скептиковъ. Было бы длинно излагать, въслѣдствіе какихъ причинъ, но отчасти XVII и особенно XVIII вѣка были самымъ удобнымъ временемъ для возникновенія въ Европѣ и прежде всего въ Англіи этого старого философскаго направленія въ нѣсколько подновленной формѣ. Ко времени Юма уже довольно прочно установился предметъ естествовѣденія съ физикой во главѣ и однообразный методъ изученія природы. Было ясно, что въ изученіи природы станетъ преобладающимъ механический способъ объясненія явлений, по которому все сводится къ движению, по неизмѣннымъ механическимъ законамъ вещества въ пространствѣ, къ сочетанію его въ большія или меньшія массы и перераспределѣнію наименьшихъ и послѣднихъ элементовъ этого вещества, т. е., того, что видимо, слышимо, вообще подлежитъ вѣнѣніямъ чувствамъ, какъ бы ни называть эти послѣдніе элементы: частичками ли, тѣльцами, или атомами. Со времени Ньютона уже найденъ и формулированъ

быть всеобщий законъ этого движениѧ вещества, подъ именемъ закона тяготѣнія. Въ философии же шли еще нескончаемые споры, безъ надежды на примиреніе, о существѣ и свойствѣ субстанцій духовныхъ и матеріальныхъ, о ихъ связи и взаимной зависимости, о ихъ зависимости и отношеніи къ субстанціи божественной, о способѣ познанія субстанцій и его границахъ, о началѣ и концѣ всѣхъ вещей и т. п. Примыкая къ обнаружившейся еще до него въ Англіи тенденціи, изученіе духа поставить на одну доску съ изученіемъ матеріальной природы, Юмъ желалъ философію, въ смыслѣ науки о духовныхъ явленіяхъ, построить и обрабатывать совершенно по образцу физики, т. е. изучивъ, какъ можно достовѣрнѣе, провѣренные въ опыта факты этихъ явленій, найти какой либо общий законъ, въ родѣ закона тяготѣнія, которымъ бы обнимались и которому бы подчинялись эти факты. Конечно, a priori можно было бы предвидѣть, что это предпріятіе не можетъ увенчаться успѣхомъ, ибо между познаніемъ духа и матеріи есть радикальное различіе. Изслѣдованіе явленій матеріи можетъ быть ведено на основаніи условно-принятыхъ началъ, безъ всякаго изслѣдованія значенія, происхожденія и сущности этихъ началъ, а именно: матеріи, пространства, времени и движениѧ. Вездѣ, гдѣ являются чувственные качества, какъ то: звукъ, цветъ, твердость, мягкость, сопротивление и проч., тамъ признается существование матеріи, ея движениѧ и перемѣнъ, которые могутъ быть наблюдаемы вищими чувствами, подвергаемы эксперименту, и исчислению. Какъ скоро такимъ образомъ, могутъ быть построены и формулированы въ законы процессы передвиженія и перераспределенія вещества въ пространствѣ, то вѣрность этой постройки можетъ быть точно проѣрена посредствомъ предвидѣнія будущихъ положений этого вещества, вслѣдствіе дѣйствія однихъ и тѣхъ же законовъ. Когда такимъ образомъ слагаются науки о веществѣ, совсѣмъ иное представляются науки о духѣ и его явленіяхъ. Здѣсь необходимо возникаютъ всѣ затруднительные вопросы о послѣднихъ основаніяхъ бытія, которые могли бытъ условно отброшены въ

изслѣдованіяхъ матеріальной природы. Явленія духа, недоступныя виѣшнимъ чувствамъ и не находящіяся въ пространствѣ, но безпрерывно сменяющіяся во времени, не подлежать той формѣ опыта, которая прилагается къ матеріальнымъ тѣламъ. Отсюда необходимо появляются вопросы объ общей ихъ причинѣ и частной причинѣ каждого, а также и о причинѣ сознанія вообще. Далѣе становится вопросъ о бытіи того, кому принадлежитъ сознаніе и вообще вопросы о субстанціяхъ; но такъ какъ матеріальная тѣла и ихъ свойства суть также и прежде всего состоянія сознанія, то вмѣстѣ съ вопросами, вытекающими изъ разсмотрѣнія духовныхъ явленій, возникаютъ и всѣ вопросы, такъ сказать, отодвинутые и не изслѣдованные науками о матеріи и ея движеніи въ пространствѣ.

„Но какъ бы то ни было, Юмъ не остановился надъ этими затрудненіями и, слѣдя по стопамъ предшественниковъ, смѣло приступилъ къ своей задачѣ—построить науку о духѣ по образцу науки о веществѣ, и, кроме смѣлости и послѣдовательности, обнаружилъ большую умственную силу и талантъ, какъ въ проведеніи невозможной, по своей сущности, философской системы, такъ и въ критикѣ нѣкоторыхъ заблужденій и ошибокъ предшествовавшей философіи.

„Философія Юма, которую вообще вѣрно передавалъ и Шутгаевъ, принимаетъ, что, какъ физика отправляется отъ данныхъ въ чувственномъ опытѣ тѣль съ ихъ свойствами, такъ и въ философіи даны для непосредственного усмотрѣнія умственные факты или состоянія сознанія, которые могутъ быть раздѣлены на *впечатлінія и идеи*. Первые суть первоначальная состоянія сознанія и соответствуютъ малѣйшимъ частицамъ или атомамъ физики; подъ ними Юмъ разумѣеть то, что обыкновенно разумѣется подъ чувственными ощущеніями отъ вещей, съ которыми мы впервые знакомимся, напр., цвѣта, звуки, запахи и проч., а также элементарные чувства и желанія, какъ напр., чувство голода, жажды, страхъ, боль и т. п. Эти первоначальные состоянія или впечатлінія не имѣютъ никакихъ внутреннихъ различій и потому не раз-

ложимы и недѣлимы; изъ нихъ и образуются всѣ остатнія состоянія и сочетанія, или идеи, которая поэтому и могутъ быть, путемъ анализа, различены и раздѣлены на свои составныя части. Всѣ сложныя идеи должны быть приведены къ впечатлѣніямъ, которыхъ они суть коші. Идеи, которая не могутъ быть приведены къ первоначальнымъ оригиналамъ впечатлѣній суть, по Юму, выдумки воображенія или *псевдо-идеи*. Всеобщій законъ, которому подчинено сочетаніе и соединеніе тѣхъ и другихъ состояній сознанія, дающее въ результатахъ всю нашу умственную жизнь, есть *законъ ассоціації идей*, соответствующій, по Юму, законамъ взаимнаго притяженія матеріального вещества въ физикѣ. Идеи соединяются въ сознаніи по ихъ *сходству* или *контрасту*, по ихъ *смежности* въ пространствѣ и времени и по *причинности*.

Теперь, если спросить, откуда происходятъ первоначальная впечатлѣнія, то юмова философія на это не даетъ отвѣта, подобно тому, какъ физика не изслѣдуетъ вопроса о происхожденіи атомовъ. Но для физики еще возможно предполагать, что атомы существуютъ вѣчно; для Юма же такого предположенія относительно впечатлѣній сдѣлать было нельзя, потому что для него какъ терминъ: „существуетъ“, такъ и терминъ: „вѣчно“, никакого смысла не имѣютъ. Для Юма, по его собственнымъ словамъ, совершенно мыслимо *возникновеніе изъ ничто*, следовательно, и впечатлѣнія могутъ быть понимаемы, какъ возникшія изъ ничто. Что касается до исчисленія и классификаціи состояній сознанія у Юма, то въ нихъ сдѣланы воющіе пропуски и главнымъ образомъ потому, что онъ заранѣе отрицалъ всякую субстанцію, особенно духовную. Такъ имъ совершенно опущено наше сознаніе о *собственныхъ дѣятельностяхъ*. Мы не только сознаемъ содержаніе ощущеній цвѣта, звука и т. под., но и сознаемъ свою дѣятельность въ этихъ ощущеніяхъ, сознаемъ, что мы видимъ эти цвѣта, слышимъ звуки, обоняемъ запахи и т. п. Далѣе, мы сознаемъ свою дѣятельность въ движениіи, представлениіи, хотѣніи и т. под. и притомъ это сознаніе одно изъ раннихъ и первоначальныхъ. Еслибы мы не сознавали

своихъ дѣятельностей и не отличали, напр., дѣйствительного видѣнія цвета, слышанія звука, отъ воспоминанія цвета или звука, то, конечно, никогда не возможно было бы то, что мы называемъ памятью, и невозможно было бы то коренное различие, указываемое Юмомъ, яркости и блѣдности состояній сознанія. Даѣе, Юмъ совершенно выпустилъ цѣлый классъ состояній сознанія, въ которыхъ выражается важнѣйшая сторона нашей психической дѣятельности, а именно: классъ *отношений* между впечатлѣніями и идеями, какъ, напр., отношенія тождества, сходства, несходства, величины, одновременности, разновременности; отношенія пространственного положенія: рядомъ, вверху, внизу, спереди, сзади и т. д. Конечно, всѣ эти отношенія не имѣютъ въ основѣ впечатлѣній или чувственныхъ значковъ, которыхъ они были бы копіями.

Карамазовъ. Что значать ваши послѣднія слова? хотите ли вы этимъ сказать, что сходство, различіе и пр. не даны намъ въ чувственномъ опыте.

Сократъ. Именемъ это самое; напр., когда я думаю, что эта оконная занавѣска похожа на эту покрышку дивана по цвету, то, вѣдь, ни занавѣска, ни покрышка никакимъ чувственнымъ знакомъ не говорятъ, что они похожи. Чувственности они даются, такъ сказать, только своимъ малиновымъ цветомъ, въ которомъ, конечно, ничего и ничѣмъ не сказано о сходствѣ его съ другимъ экземпляромъ малиноваго цвета и о различіи съ голубымъ цветомъ. По моему, это отношеніе и устанавливается, и понимается актомъ умственной дѣятельности той субстанціи, которую мы называемъ нашимъ я, а по Шугаеву и Юму, это.... это.... не умѣю, какъ выразиться.... это отношеніе является непостижимымъ образомъ въ вышеупомянутомъ пучкѣ, который еще болѣе непостижимымъ образомъ и понимаетъ, что это отношеніе, хотя, какъ пустое слово, ни дѣйствовать, ни соотносить, ни понимать отношеній не можетъ. Что касается до закона ассоціаціи идей, то нужно только опомниться и немножко подумать, или, по ихнему, пошевелить мозгами, чтобы стало яснымъ, что одно механическое и слу-

чайное соединеніе не могло бы дать того, что мы называемъ разумомъ, наукой, истиной. Замѣчательно, что эта ассоціація у Юма и его послѣдователей, совершается на основаніи принциповъ тождества, времени, пространства, причинности, т. е., идей, которые не имѣютъ въ основѣ своей никакихъ впечатлѣній, т. е., значитъ, не дѣйствительныхъ идей; а *псевдо-идей*. Итакъ, псевдо-субстанція или псевдо-существо нашего я, или, иначе говоря, пучекъ идей строить все наше познаніе на основаніи какихъ то другихъ псевдо-идей, или, коли хотите, пучковъ, вѣниковъ (ослабляясь), на которыхъ вѣдьмы ѳздятъ на шабашъ. Вся чудовищность выше изложенныхъ теорій будетъ, мнѣ кажется, совершенно ясна, если мы предположимъ на одну минуту, что эти теоріи вѣрны или истинны. Тогда, значитъ, вся заслуга этой истины и вся слава ея открытия принадлежитъ не умственной силѣ и дѣятельности духовной субстанціи Юма, а механическому спѣленію или скопленію впечатлѣній или атомовъ сознанія, собравшихся случайно въ пучекъ, или комплексъ состояній сознанія, названный Юмомъ, Миллемъ и т. д. Съ другой стороны, нисколько не подлежать порицанію или неодобрению другіе пучки, въ которыхъ то-же механическое спѣленіе сказалось въ видѣ теорій познанія, признающихъ субстанціи, сущности, духовъ, начала, концы, цѣли, однимъ словомъ, всѣ якобы метафизическая фантазія. Сдѣлаемъ еще шагъ, и мы должны признать, что нисколько не зазорны и не могутъ быть поставлены въ вину многимъ пучкамъ механическія ассоціаціи, сложившіяся въ нихъ въ видѣ самыхъ безсмысленныхъ и отвратительныхъ теорій и мнѣній, какъ нисколько не зазорно для материальныхъ молекулъ или атомовъ то, что они механически собрались въ комокъ на ваза, вместо того чтобы сдѣлаться въ форму розы или ананаса...

Карамазовъ. Вы ужъ, можетъ быть, устали, Сократъ Ивановичъ, но, все таки, извините за нѣсколько вопросовъ, которые я имѣю вамъ предложить. Катерина Ивановна и Анна Михайловна строго настрого поручали дать подробный отчетъ обо всѣхъ разговорахъ, которые произойдутъ между нами. Кстати, онъ сильно

протестуютъ противъ того, что мы часто бесѣдуемъ безъ нихъ и хотятъ требовать участія и въ обѣдахъ, и во всѣхъ нашихъ собраищахъ. Скажите, пожалуйста, какъ могла такая теорія, какъ юмова, найти послѣдователей, поклонниковъ и вообще распространяться?

Сократъ. Во первыхъ, въ ней есть нѣкоторая крупица истины; во вторыхъ, ей благопріятствуютъ духъ времени и разныя обстоятельства, о чёмъ теперь я не стану говорить, чтобы не отвлекаться въ сторону. Но главнымъ образомъ вся ея ошибочность и несогласованность съ фактами, которые всякий знаетъ изъ своего внутренняго опыта, прикрывается постояннымъ употребленіемъ многихъ словечекъ, какъ я, мы и т. д., на которыхъ теорія Юма не имѣеть никакого права. До чего непозволительно действовалъ въ этомъ отношеніи самъ Юмъ, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ самомъ началѣ своего „Трактата о человѣческой природѣ“, установляя два класса состояній сознанія, онъ говоритъ, что впечатлѣнія являются въ сознаніи прежде идеи и что идеи *похожи* на впечатлѣнія, хотя и блѣдище ихъ. Этимъ тотчасъ же вводятся тихомолкомъ *понятія времени и сходства*, на которыхъ онъ не имѣеть права, но безъ которыхъ, конечно, ему и невозможно было бы ни выразить, ни уяснить свою классификацію, т. е., основной пунктъ всей его теоріи познанія. Отъ этого то я такъ и настаивалъ съ Шугаевымъ на незаконномъ употребленіи имъ различныхъ терминовъ. Разъ эта незаконность была бы вполнѣ сознана, какъ вами, слушателями, такъ и самимъ Шугаевымъ, то споръ налько скоро бы окончился по той простой причинѣ, что безъ употребленія обычныхъ терминовъ и тихомолчнаго соединенія съ ними обычнаго смысла, ни Шугаеву, ни кому другому невозможно было бы самое выраженіе своихъ теорій, не говоря уже объ отстаиваніи ихъ. Впрочемъ, надобно отдать справедливость Юму, что въ концѣ того же своего сочиненія онъ весьма энергически обнаружилъ сомнѣніе въ истинѣ своей теоріи, такъ что, по его мнѣнію, еслибы эта истина случайно ей и принадлежала, то онъ не имѣлъ бы никакого

критерія и ув'ренности въ томъ, что онъ попалъ на истину. Такія же, хотя и болѣе слабыя, обмоловки въ сомнѣніи можно найти и у англійскихъ послѣдователей Юма, которые, во первыхъ, далеко не такъ послѣдовательны и логичны вообще, какъ самъ Юмъ, а, во вторыхъ, находятъ для себя исходъ въ томъ, что, подъ предлогомъ слѣдованія за точными науками вообще и за физіологію спекулятивно, все глубже и глубже впадаютъ въ материализмъ.

Карамазовъ. Ну, теперь, кажется, для меня все понятно. Въ концѣ концовъ я вижу, что шугаевская научность выходитъ изъ ничто, стоитъ на ничто и приводить къ ничто. Но, еще два слова! Почему, какъ я слышалъ, эта теорія называется *позитивизмомъ*?

Сократъ. Потому что она претендуетъ на то, что основана на положительныхъ фактахъ и не дѣлаетъ никакихъ предположеній, что, въ сущности, ложно.

Карамазовъ. Кажется ее называютъ также *эмпірическимъ идеализмомъ* и еще какъ то.

Сократъ. Эмпірическимъ идеализмъ ее называютъ въ томъ смыслѣ, что она какъ и идеализмъ, отправляется отъ идей, а не отъ матеріи, но отъ идей, данныхъ въ опытѣ, а не существующихъ какъ либо трансцендентно. Впрочемъ, это название эмпірическаго идеализма не совсѣмъ вѣрно, ибо для юмовой теоріи, строго говоря, не существуетъ ни духа, ни матеріи, слѣдовательно, нѣть ни матеріальныхъ, ни духовныхъ явлений, каковыми считаются идеи. Еще эта теорія называется *феноменизмомъ* въ томъ смыслѣ, что она не признаетъ никакихъ сущностей и субстанцій, а имѣеть дѣло только съ феноменами или явленіями, данными въ опытѣ. И это название, по моему, не удовлетворительно, потому что слово: явленіе, не имѣеть смысла безъ соотносительныхъ съ нимъ словъ: сущее само по себѣ, являющееся, сущность, субстанція и т. п.

Калгановъ. Ну, еще я предложу вамъ одинъ послѣдній вопросъ, Сократъ Ивановичъ. Отчего же наши научные такъ носятся съ этими теоріями??

Сократь. Экай вы зловредный, Петръ Фомичъ! нужно же вамъ испортить мнъ хорошее расположение духа напоминаніемъ о нашихъ научныхъ. Вонъ, видите, ужь всходитъ солнце, божество и символъ божества у древнихъ, а передъ божественнымъ свѣтомъ всякий мракъ, хотя бы и научный, долженъ исчезнуть!

Затѣмъ мы распостились, причемъ я уговорился съ Сократомъ, чтобы онъ зашелъ за мною въ четвергъ. Фхать вмѣстѣ къ Карамазову, такъ какъ я не знаю его новой квартиры.